

Н. С. ЛЕСКОВ

<...Предпочли довольно несовершенное движение совершенному застою>

<Фрагменты>

<...>

...стали разводить руками: где же наша церковь и где такие ее руководители, с которыми можно было бы совершать живой завет Спасителя о любви к ближнему приходским союзом?

И *тогда* совершилась горестная вещь: добрые и очень христиански настроенные, но мало сведущие люди... решали себе, что в Русской церкви осталась одна внешность и совсем нет *духа* Христова. И вот тогда-то началось поныне продолжающееся шатанье по протестантским кирхам и общинам, где приходская жизнь имеет серьезное развитие и солидное значение. Добрые и, несомненно, благонамеренные русские люди, разочарованные в участливости своего духовенства, искали в протестантской приходской жизни примера и указаний: как бы ввести и упрочить что-либо подобное в церкви Русской? Разрыва с церковью у них еще не было, но уже явилась тенденция — не учиться от священников, а их «переправлять» по-раскольничьи, переделывая на свой лад, но опять и тут дело шло об «переправке» не в догматическом отношении, о котором все эти добрые люди имели самые смутные понятия, что им, конечно, и послужило во вред. Не зная русской церковной истории, по которой до весьма недавно вышедшего в свет сочинения казанского профессора Петра Васильевича Знаменского у нас и не было живо и художественно написанной книги, люди эти не знали, кого винить и на что жаловаться. Все сначала до конца у них сливалось в одно понятие: Русская церковь — обрядовая и безжизненная, и они стали с нею «в контры». Незнакомые с уставом православной церкви, они в этих контрах чаще всего не умели отличать в нашей церковной практике существенно важное и поистине святое и ве-

ликое от явлений случайных, происходящих от тех или других исторических причин, явлений, которые не только подлежат изменению, приспособительно к живым потребностям церкви, но даже неотразимо требуют этих приспособлений опять-таки именно в интересах церкви. С этих пор глухое неудовольствие против церкви в великосветском круге становилось все больше, — меж тем как в среднем круге, наиболее интеллигентном, и даже в низших слоях городского населения разливалось повсеместно или холодное равнодушие, или даже открытое неверие. <...>

В заключение два слова о том, имеет ли все это наскоро и не искусно мною очеркнутое великосветское религиозное движение характер раскола (как его теперь называют)? И да, и нет.

Если смотреть на раскол как на полное отщепенство церкви с признанием невозможности соглашения с нею в главнейших основах веры, то такого раскола нет... Редсток¹ и сам не основывает никакого отдельного толка, и не требует ничего подобного от своих последователей. Люди эти ни к чему подобному не стремятся, а если и есть, может быть, одно какое-нибудь единоличное исключение, то о нем не стоит и говорить. Весь редстоковский раскол есть группа людей, любящих потолковать о Слове Божиим, о спасении и об оправдании. Разномыслие их с Церковью православною состоит в особенном мнении об оправдании и о так называемом «культе мертвых», да в совете обходиться при молитве без призывания святых и Девы Марии. Но в этом смысле, мне кажется, у нас наберется очень много раскольников, даже совсем не имевших никакого общения с Редстоком: таковы, например, все уповающие на милость и забывающие о правде, каковых и у нас, как и везде, весьма много; таковы и все молящиеся одною молитвою Господнею, или молитвою Манассии, или псалмами, или совсем никак и никому не молящиеся, каковых при нынешних учрежденных порядках всего больше. Неужто и эти последние с господствующей точки зрения лучше и терпимее скромных богомольных редстокистов?

В так называемом великосветском расколе до сих пор нет еще ничего сформированного. Последователи Редстока ничем не обнаружили никакого определенного отщепенства от Церкви и не показали ни малейшей вражды к ней. Напротив, за весьма небольшим исключением, петербургские друзья Редстока нынче более, чем когда-нибудь, готовы горячо стоять за православие. Теперь, благодаря даровитейшему и образованнейшему из них гр. ***, они с радостным восторгом начинают, если так можно выразиться, *входить*

во вкус православных воззрений и находить их прекрасными. Они рады, когда этот ловкий на слове человек рассеивает их сомнения в том или другом из смущающих их вопросов о православии. Они принимают его разъяснения и чувствуют себя в двойной выгоде: и оправдание себе достали, и с родною церковью не расстались. Словом, они теперь со всем в мире; а где мир — там и любовь, а где любовь — там и Бог. Теперь они с несмущенною совестью будут исповедоваться у священников, причащаться с верою в тайну пресуществления: даже могут давать *целование любви* мощам. Они все еще в церкви и не уйдут оттуда, если охватившее их религиозное возбуждение не будет сурово остужено отталкивающим безучастием к их жажде участия в церковной жизнедеятельности.

Настоящее время, чрезвычайно интересное в политическом и социальном отношении, не менее интересно и в отношении религиозном. Во всем оно, по прекрасному выражению Гете, являет «образ прошедшего, которое еще не прошло, и образ настоящего, которое еще не наступало». И это непрошедшее прошлое и неначавшееся настоящее понять мудрено; а между тем они уже делают свои заявления и требуют своих прав, в признании которых отказывать им очень трудно.

У нас в России, благодаря ли нашим темпераментам или иным историческим условиям нашей народной жизни, все это тише и желания наши очень скромны. Те из наших образованных людей, которые имели редкое счастье с приобретением познаний не утратить веры в спасающую силу христианской религии, пока хотят только живой учительности в храмах и непосредственного участия в церковной приходской жизнедеятельности. Но они ждут этого и сомневаются, что это будет...

Русский епископ (весьма близкой к Москве епархии), который, оценив способности и горячность к вере гр.***, предложил ему продолжать дело проповеди с епископского благословения, многих очень обрадовал. Разнесшийся об этом в Петербурге слух самым благотворным образом подействовал на разных людей, заинтересованных религиозными вопросами. Это как будто приласкало, приветило и обрадовало добрых мирян доброю надеждою, что не вековечен искусственно созданный чуждыми церкви условиями недостаток близкого и живого общения клира с мирянами и у нас, при храмовых моленьях оживится и усилится евангельская учительность в храме и живая практика христианского милосердия в церковной общине, т. е. в *своем приходе!*..

Если же и для этих скромных и законных желаний ничего не будет сделано, то из всех нынешних религиозных брожений, до сих пор еще не имеющих характера сформированного раскола, но имеющих уже все элементы раскола готового сформироваться, конечно что-нибудь да образуется. Только в этом виноват будет отнюдь не лорд Редсток и его поклонницы, а слишком долговременная отсрочка исполнения этих добрых и справедливых желаний.

Благоч. Бернард² говорит в одном месте, что «долговременная отсрочка есть скук питательница, подозрений поджога, нетерпеливости воспаление, мачеха любви и мать отчаяния. Если это есть искушение, то должно признаться, оно чрезвычайно скучно».

Так говорит человек, почитаемый за святого, — что же можем сказать мы, люди грешные, давно обреченные витать духом с оною скук питательницею и подозрений поджогаю? Скажем то же, что св. Бернард, т. е. что «если сие есть и искушение, то должно признаться, что оно весьма скучно», а поелику оно «весьма скучно» даже для святого, — то как мы, грешные, станем укорять тех из своих собратий, которые этой скуки не выдержали и предпочли довольно несовершенное движение совершенному застою?

Вот, мне кажется, почему русское общество относится так снисходительно, а иногда даже почти покровительственно ко всем религиозным движениям вроде того, которое мною описано.

